

РЕЦЕНЗИИ

Н.В. Демьяненко

ДВЕ НОВЫЕ АНТОЛОГИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА*

В 1996 г. Санкт-Петербургское издательство «Алетейя» открыла серию публикаций «Российские социологи», которая была нацелена на гальванизацию отечественного социологического наследия. Современным поколениям исследователей уже были удачно представлены наши «великаны» — М. Ковалевский, Н. Михайловский, сейчас на подходе — Н. Кареев, идет интенсивная подготовка материалов по творчеству Е. Де Роберти и Н. Тимашева. А в этом году в упомянутой серии издательство выпустило сразу две антологии сочинений П. Сорокина. Одна книга — «Заметки социолога: Социологическая публицистика» вышла под научной редакцией профессора А. Бороноева, другая — «О русской общественной мысли» — под редакцией профессора И. Голосенко, одного из старейших, если так можно выразиться, «сорокиноведов» в нашей стране. Попытаемся оценить и представить обе книги заинтересованному читателю. Во всяком случае на Первом всероссийском социологическом конгрессе, происходившем в Санкт-Петербурге в конце сентября сего года, имя П. Сорокина многократно звучало в докладах на разных секциях и заседаниях «круглых столов».

Так уж сложилась судьба отечественной социологии, но в течение всего XIX века она официально не допускалась властями на университетскую кафедру и вытеснялась в массовую печать, ибо узкоспециализированных социологических журналов тоже не было. Вот почему многие наши социологи часто были не только крупными научными работниками, но и блестящими публицистами, много сил отдающими социологическому комментированию повседневного хода истории. Среди них — Н. Михайловский, С. Юшаков, А. Градовский, М. Ковалевский, Н. Кареев, Г. Плеханов и др. П. Сорокин, как убедительно демонстрирует свод его публицистических статей, занимает в этом ряду достойное место. Статьи эти писались Сорокиным в основном для эсеровской прессы, прежде всего для ее центрального органа — газеты «Воля народа», которая в 1917 г. была самой массовой газетой столицы, при этом у нее были многочисленные подписчики и в провинциальной глубинке. После Октябрьского переворота она, спасаясь от цензурных гонений со стороны новых властей и ее чиновников, неоднократно меняла названия, частично — состав редакции, но не место пребывания — в начале Невского проспекта, где у Сорокина был небольшой кабинет, в котором он писал все газетные материалы.

Составители антологии проделали большую работу, объединив в один сводный том (объемом в 20 п.л.) почти каждодневные заметки Сорокина-публициста за 1917 г. Теперь совершенно очевидно, что этот вид его деятельности работал не только на идеологию, политику социалистов-революционеров, к

* Сорокин П. 1) *Заметки социолога: Социологическая публицистика*. СПб.: «Алетейя», 2000; 2) *О русской общественной мысли*. СПб.: «Алетейя», 2000.

правому крылу которых он принадлежал, но и на отечественную социологию, всячески ее пропагандируя в широких кругах читающей публики страны. Последняя функция не менее актуальна и для нынешнего состояния нашей социологии. Основной массив статей, в количестве 70, составили публикации между февралем-ноябром 1917 г., после этого времени уже меньше — только 52. Однажды А. Тойнби, который был очень дружен с Сорокиным, верно отметил, что тот был не только участником и свидетелем многих бурных событий века, но одновременно — тонким наблюдателем и теоретиком этих же процессов. «Заметки социолога» на редкость удачно иллюстрируют эту мысль и показывают нам социального ученого, максимально погруженного в политическую злобу дня. Чем же интересны для нас эти заметки?

Во-первых, они документировано воспроизводят политико-идеологические убеждения молодого социолога, который публицистическим методом защищал демократические ценности Февральской революции, сокрушившей монархию в России. Во-вторых, это была оценка стремительно текущей общественной жизни с социологической позиции, и она показывала границы практического вмешательства в эту жизнь со стороны представителя социальной науки. Самая характерная черта публицистического творчества Сорокина — боязнь распада России ввиду расширяющейся германской агрессии, проповеди и действий большевиков в направлении всеобщего разрушения — государства, армии, управления, церкви и т.п. Эту любовь и тревогу за Россию он сохранил в своей душе на протяжении всей жизни. На мой взгляд, это самые захватывающие страницы рецензируемой книги, ибо и сейчас они читаются с неподдельным интересом. Многие из животрепещущих для своего времени статей самым удивительным образом оказываются востребованными сегодня. Вероятно, это особенность мышления тех, кого известный американский историк социологии Л. Козер уважительно назвал «мастерами социологических идей», отнеся в их число и Сорокина.

В-третьих, все разнообразные ранние публицистические оценки как самих двух русских революций, так и их последствий легли в основу книг, изданных уже в США, также публицистической — «Листки из русского дневника» (1924) и академической работы «Социология революции» (1925), которая сразу принесла Сорокину известность в американских научных кругах. При знакомстве с его публицистикой наглядно видно, из какого психологического бульона повседневности выростали многие абстрактные теоремы его «Социологии революции», посвященной анализу многих десятков, а не только двух русских революций.

В качестве замечаний научному редактору этой антологии можно указать следующее.

1. Некоторые из публицистических статей, которые даже в конце своей жизни Сорокин продолжал высоко ценить, по совершенно необъяснимым причинам не были включены в антологию. Например, его известная заметка «Проклятие русской науки» (Воля народа. 1917. № 152. 24 окт.). Она, ввиду наличия в стране центробежных, сепаратистских тенденций, и сейчас звучит крайне актуально. Пропущены две резко политические статьи «Единство демократии и большевики» и «Недоноски большевизма» (Воля народа. 1917. № 158, 159), которые Сорокин подписал псевдонимом — В. Вьюгов. Также непонятно ис-

ключение публицистического обоснования Сорокиным политической программы Временного правительства в серии мелких публикаций — «Формы правления», «Что нужно народу. Монархия или республика?», «О свободах: неотъемлемые права человека и гражданина», «Что такое социализм?» и др. Между тем по своему содержанию, да и по объему, они хорошо вписались бы в первую часть антологии.

2. Другой упрек — в предисловии проф. Бороноева публицистика Сорокина представлена в некоем бесполемическом пространстве. Возникает вопрос, а были ли оппоненты у Сорокина, или он только пророчески вещал, а все внимали? Конечно, были дискуссии, полемика и колкие ответы. В этом отношении, в частности, показательны резкие политические письма С. Кузьмина по поводу ряда публикаций П. Сорокина (см. Республиканец. [Пг.] 1917. № 32). Политический дискурс публицистики Сорокина, разумеется, следовало бы изложить в предисловии очень основательно, что увеличило бы убедительность некоторых высказываний Сорокина или же, наоборот, показало их субъективность.

3. И последнее критическое замечание. Сорокин сам со временем называл иллюзорными некоторые политические ценности, реализуемые в ранней публицистике. Скажем, некритическую веру в западную демократию и цивилизацию, бескорыстие ее лидеров и общечеловечность ее ценностей. В предисловии это надо было обязательно оговорить, чтобы у читателей был более историзированный подход к раннему публицистичному наследию Сорокина, которое во многом радикально отличается от его публицистики конца 40 — начала 60-х годов.

Вторая антология, и это отражается в ее заголовке — «О русской общественной мысли» (вероятно, придуманной самим составителем), имеет дело с более узкой и более академически излагаемой темой — историей русской социологии, как она представлялась умственному взору Сорокина. Данная антология меньше предыдущей (14 п.л.), но композиция ее является более сложной. В отличие от хронологического подхода первой антологии, во второй предпринимается типологическая систематизация материалов, она охватывает не только русский период творчества Сорокина, но и зарубежный. В развернутом предисловии, которое имеет самостоятельное значение, даже вне самой антологии, профессор Голосенко объясняет принцип историографии социологических идей, предлагаемых Сорокиным. Он справедливо относит этот принцип к «русской традиции истории социологических учений», которая создавалась усилиями крупнейших отечественных социологов — Н. Кареева, М. Ковалевского, В. Хвостова, Н. Тимашева и др. Попутно поясняется структура всей антологии и ее частей, в которых воспроизводится дедуктивный путь от общего к частному. В соответствии с этим антология разбита на три раздела. Первый имеет дело с более или менее панорамными или общими картинами русской социологии XX века; второй анализирует взгляды отдельных персоналий — социологов, социальных философов и писателей-моралистов: П. Лаврова, Л. Петражицкого, М. Ковалевского, Н. Данилевского, Н. Бердяева, Ф. Достоевского и Л. Толстого. Третий, самый фрагментарный раздел составлен из обзоров, рефератов и рецензий отдельных работ разных авторов от Е. Де Роберти, А. Звоницкой, Б. Кистяковского до Н. Бухарина. Любой исследователь, профессионально интересующийся историей русской социологии начала XX века, с боль-

шой пользой для себя ознакомится с аналитическими оценками Сорокина. Из указанных разделов антологии — второй получился самым обширным и, на мой взгляд, особенно интересным, как и краткий сопроводительный комментарий к нему, который дается в предисловии. Но в этой связи хотелось бы отметить одно явное упущение составителя антологии, а именно — у Сорокина есть превосходные очерки «диалектической социологии» Г. Гурвича, которые напрасно не включены в рецензируемую антологию. Они бы украсили текст и еще раз показали необычайное многоцветие, богатство русской научной мысли. Говорить, что профессор Голосенко этого не знает, нельзя. В первом номере «Журнала социологии и социальной антропологии» за этот год у него в соавторстве с его учеником Р. Гергиловым была опубликована информационно очень полезная статья «Геогий (Жорж) Гурвич как социолог», в которой обильно используется как раз оценка Сорокина. Аргумент — Гурвич написал свои социологические работы во Франции, находясь вне родины, — не работает, ибо другие «русско-французские социологи» — Я. Новиков, Е. Де Роберти в оценке Сорокина попали в антологию. Кстати, и оценку Де Роберти, вероятно, целесообразно было ограничивать только ранними рецензиями Сорокина, следовало добавить к ним переводы из классической историко-социологической работы Сорокина «Современные социологические теории» (1928), где некоторые взгляды Де Роберти подробно разбирались.

Но несмотря на высказанные замечания (точнее, рекомендации) составителям антологии, хочется поздравить всех, кто интересуется историей русской науки и культуры, с выходом двух ценных книг и пожелать дальнейших успехов серии «Русские социологи». Одно только сильно смущает следящего за этой серией представителя «среднего класса» с постоянно тощим бюджетным кошельком, а именно — высокая стоимость книг, что составляет перманентное свойство продукции издательства «Алетейя», и это несмотря на то, что издание по крайней мере одной из антологий было осуществлено при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда. Другой антологии Фонд отказал в поддержке, видимо, его эксперты посчитали, что история отечественной науки вещь малоактуальная в нынешних условиях ее существования.